

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Научная статья

УДК 332.14

doi:10.37614/2220-802X.2.2023.80.011

ВОЗМОЖНОСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОПОРНЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)

Ирина Анатольевна Секушина

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия, sekushina.isekushina@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-4216-4850

Аннотация. Статья посвящена проблематике формирования системы опорных населенных пунктов как одного из инструментов обеспечения сбалансированного пространственного развития страны. В 2022 г. Правительством РФ были утверждены методические рекомендации по определению опорных населенных пунктов, в соответствии с которыми в каждом субъекте РФ составлены их перечни. Цель статьи — оценка возможностей практического применения данных методических рекомендаций как механизма управления пространственным развитием на примере регионов Европейского Севера России (ЕСР). В работе использованы научные методы синтеза, обобщения, статистического, пространственного и контент-анализа. Информационной базой послужили труды отечественных и зарубежных авторов по пространственной и региональной экономике, данные статистики, нормативно-правовые документы органов государственной власти. В результате проведенного исследования рассмотрена роль опорных населенных пунктов в социально-экономическом развитии территорий. На материалах регионов ЕСР проведена апробация официально утвержденных методических рекомендаций по их определению. Сформирован перечень малых городов, поселков городского типа и сел, которые соответствуют заявленным критериям. На основе контент-анализа нормативно-правовых документов субъектов ЕСР определены города и поселения, которые были выбраны в качестве опорных населенных пунктов. Установлено, что на практике органы власти при их отборе соблюдают далеко не все требования, обозначенные в методических рекомендациях. Во многом это обусловлено тем, что они имеют достаточно общий характер и не учитывают специфику регионов России. Также проблему представляет отсутствие иерархии опорных населенных пунктов. Новизна работы заключается в оценке практической применимости утвержденных методических рекомендаций по определению опорных населенных пунктов. Результаты исследования имеют научную ценность и практическую применимость в рамках совершенствования методологического аппарата, а также могут быть использованы органами государственной власти и местного самоуправления при разработке мер по формированию и развитию сети опорных населенных пунктов на территории ЕСР.

Ключевые слова: опорные населенные пункты, система расселения, социально-экономическое развитие, северный регион, Европейский Север России

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме научно-исследовательской работы «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды» (FMGZ-2022-0012).

Для цитирования: Секушина И. А. Возможности практического применения методических рекомендаций по определению опорных населенных пунктов (на примере Европейского Севера России) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 2. С. 160–174. doi:10.37614/2220-802X.2.2023.80.011.

POPULATION AND MIGRATION ISSUES IN THE NORTH OF RUSSIA

Original article

PRACTICAL APPLICATION OF METHODOLOGICAL RECOMMENDATIONS FOR IDENTIFYING KEY SETTLEMENTS: A CASE STUDY OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

Irina A. Sekushina

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (VoISC RAS), Vologda, Russia,
sekushina.isekushina@yandex.ru, ORCID 0000-0002-4216-4850

Abstract. This article addresses the challenges associated with establishing a system of key settlements as one of the tools to ensure balanced spatial development of the country. In 2022, the Government of the Russian Federation approved methodological recommendations for classifying settlements as key ones, and corresponding lists were compiled in each region. The purpose of this article is to assess the practical applicability of these methodological recommendations as a mechanism for managing spatial development, using the regions of the European North of Russia as a case study. The study employs research methods such

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

as synthesis, generalization, statistical analysis, spatial analysis, and content analysis. The study is based on works by Russian and international authors on spatial and regional economics, statistical data, and regulatory documents issued by public authorities. The research examines the role of key settlements in the socio-economic development of regions and tests the officially approved methodological recommendations in the European North of Russia. A list of small towns, semi-urban settlements, and villages that meet the specified criteria has been compiled. Based on a content analysis of the regulatory documents regarding the regions of European North of Russia, the towns and settlements were identified that had been classified as key ones. It is observed that authorities often do not fully adhere to the official requirements outlined in the methodological recommendations, mainly due to their general nature and the lack of consideration for regional features. Another issue lies in the absence of a hierarchy of key settlements. The novelty of this research is associated with providing an assessment of the practical applicability of the approved methodological recommendations for selecting key settlements. The results of the study have scientific value and practical applicability within relevant fields of study and can also be used by federal authorities and local governments when developing measures for the formation and development of a network of key settlements on the territory of the European North of Russia.

Keywords: key settlements, settlement system, socio-economic development, northern region, European North of Russia

Acknowledgments: this article was prepared as part of the research conducted at VolRC RAS, Project FMGZ-2022-0012 titled “Drivers and methods of sustainable socio-economic territorial development in the changing conditions of the external and internal environments”.

For citation: Sekushina I. A. Practical application of methodological recommendations for identifying key settlements: A case study of the European North of Russia. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2023, no. 2, pp. 160–174. doi:10.37614/2220-802X.2.2023.80.011.

Введение

Формирование сети расселения северных территорий России на всех исторических этапах развития государства определялось необходимостью решения не только экономических, но и геополитических задач [1, с. 106]. В 1990-е гг. переход к либеральной модели развития страны имел серьезные негативные последствия для подавляющего большинства населенных пунктов Севера России. В постсоветский период ключевой характеристикой пространственной трансформации данной части страны стало форсированное локационное сжатие, выраженное в сосредоточении производства и населения преимущественно в крупных городах и центрах добычи полезных ископаемых и, напротив, в деградации малых и средних городов и сельской периферии [2].

Исследования демографических процессов за последние несколько лет свидетельствуют о том, что на Севере России продолжают процессы депопуляции и миграционного оттока жителей. Так, в период 2010–2021 гг. убыль населения составила 7,4 %, при этом в европейской части — 17,1 %. Изменилась и сама система расселения: вырос уровень урбанизации, усилилась концентрация населения в городах, сократилось количество населенных пунктов и их средняя людность [3; 4, с. 9].

В последние годы Российская Федерация столкнулась с новыми вызовами, при этом роль и значение Севера и Арктики в социально-экономическом развитии страны лишь возросли. В настоящее время в реализуемой государственной политике РФ четко прослеживается наличие «северного» вектора, а одним из важнейших приоритетов пространственного развития

страны является удержание и переосвоение северных территорий [5]. Однако вопрос внутрирегиональной социально-экономической дифференциации по-прежнему стоит достаточно остро.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹ наличие внутрирегиональных различий по уровню социально-экономического развития, в том числе между городом и селом, обозначено как одна из ключевых проблем пространственного развития страны. Вместе с тем в первоначальной редакции Стратегии все внимание было сфокусировано на развитии крупных городов и городских агломераций как драйверов экономического роста. О малых городах и сельских территориях практически ничего не говорилось, за что документ неоднократно подвергался критике со стороны научного сообщества [6–8].

В 2021 г. ситуация несколько поменялась: в поле зрения властей попали и неагломерированные территории. Так, в качестве одной из 42 стратегических инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года² была обозначена инициатива «Города больших возможностей и возрождение малых форм расселения», главная суть которой заключается в создании одинаково комфортных условий проживания населения как в крупных городах, так и в небольших поселениях. Одним из ключевых направлений реализации данной стратегической инициативы является формирование и комплексное развитие опорных населенных пунктов.

В июне 2022 г. был внесен ряд изменений в Стратегию пространственного развития РФ, при этом значительная часть из них коснулась проблематики

¹ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

² Распоряжение Правительства РФ от 6 октября 2021 г. № 2816-р (ред. от 14.03.2022) «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года».

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

развития российских территорий, расположенных за пределами городских агломераций. В частности, было уточнено понятие «опорный населенный пункт» (далее — ОНП), акцентировано внимание на том, что под данным термином следует понимать «населенный пункт, на базе которого обеспечивается ускоренное развитие инфраструктуры, обеспечивающей реализацию гарантий в сфере образования, доступность медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализацию иных потребностей населения территории одного или нескольких муниципальных образований», при этом он должен находиться вне границ городских агломераций. Также в новой редакции документа (от 30 сентября 2022 г.) было обозначено два важных момента: во-первых, необходимость разработки методических рекомендаций по определению ОНП, а во-вторых, мер государственной поддержки реализации мероприятий по развитию ОНП и прилегающих к ним территорий.

Формирование ОНП является достаточно актуальной и практически значимой задачей для обеспечения сбалансированного пространственного развития России. Во многом это обусловлено мелкодисперсной системой расселения и высокими темпами пространственного сжатия регионов [9], что в особенности характерно для северных территорий. Создание системы ОНП призвано повысить устойчивость системы расселения страны, улучшить качество предоставления различных услуг жителям сельской периферии.

В декабре 2022 г. Правительством РФ были утверждены методические рекомендации по определению ОНП³, а уже в начале 2023 г. органами государственной власти каждого субъекта РФ были сформированы их перечни.

Целью настоящей статьи является оценка возможностей практического применения разработанных методических рекомендаций по определению ОНП как механизма управления пространственным развитием на примере регионов ЕСР. Для достижения заявленной цели были решены следующие задачи: 1) исследовать теоретико-методологические основы формирования ОНП как элемента системы расселения; 2) провести критический анализ утвержденных Правительством РФ методических рекомендаций по определению ОНП; 3) изучить перечни ОНП субъектов ЕСР и оценить их соответствие формальным требованиям; 4) выявить ключевые недостатки и барьеры использования методических рекомендаций по определению ОНП.

Научная новизна исследования заключается

в рассмотрении ОНП как инструмента обеспечения сбалансированного пространственного развития страны, выявлении «слабых мест» разработанных и официально утвержденных методических рекомендаций по определению ОНП. Элементы новизны содержатся и в предложенных рекомендациях по формированию и развитию сети ОНП на территории ЕСР.

Теоретико-методологические аспекты

В мировой науке идея ОНП не нова и уходит своими корнями еще к первым исследовательским работам по организации экономического пространства и формированию сети расселения. Основой теории В. Кристаллера [10] является понятие «центрального места» как города, в котором локализованы производственные предприятия и организации, обеспечивающие товарами и услугами не только горожан, но и жителей окружающих населенных пунктов. Организация системы центральных мест базируется на рыночном, транспортном и административном принципах размещения центров [11, с. 92–93]. Автором предложена иерархия центральных мест, согласно которой уровень центрального места определяется объемом предоставляемых товаров и услуг. Центральные пункты низкого уровня и их зоны обслуживания покрываются зонами обслуживания центральных пунктов более высокого уровня, а те, в свою очередь, покрываются зонами обслуживания центральных пунктов еще более высокого уровня, образуя таким образом иерархическую пространственную сетевую систему [12]. Не в каждом городе или селе должен производиться весь спектр необходимых товаров и услуг, часть из них выгоднее поставлять из более крупного населенного пункта. При этом чем реже у населения возникает в них потребность, тем шире должен быть рынок их сбыта [9].

Теория центральных мест не лишена недостатков, вместе с тем она послужила базисом для множества исследований по организации пространства и размещения производительных сил. В частности, речь идет о трудах немецкого ученого А. Лёша, который также работал над вопросами схожей тематики и стал автором теории экономического ландшафта [13]. Он обосновал, что даже если первоначально население на какой-либо территории распределяется равномерно (даже если прерывно), то производство товаров и услуг в силу рыночных факторов располагается неравномерно, что в конечном итоге приведет к концентрации жителей в определенных центрах

³ Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2022 г. № 4132-р «Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий».

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

и еще больше усилит неравномерность производства.

Несколько в другом ракурсе вопросы пространственного развития территорий представлены в теории «полюсов развития и центров роста» французского экономиста Ф. Перру. Под «полюсом роста» понимается компактно размещенные и динамично развивающиеся отрасли промышленности и отдельные предприятия, создающие «импульсы развития», которые во многом и определяют территориальную структуру хозяйства и траекторию его дальнейшего развития. При этом отрасль должна создавать положительный мультипликационный эффект, то есть быть пропульсивной [14]. В дальнейшем уже последователем данной теории Ж. Будвилем было предложено в качестве полюсов роста рассматривать не только отрасли или предприятия, но и конкретные территории, которые выступают центрами экономического развития [15].

Вопросам пространственного развития территорий и формирования поселенческой сети уделялось большое внимание в трудах отечественных исследователей в области экономической географии. Еще в работах видного деятеля науки конца XIX — начала XX в. В. П. Семенова-Тян-Шанского [16] рассматривались причины возникновения и развития городов, а также ключевые факторы, определяющие развитие урбанизационных процессов.

Советским ученым В. С. Хоревым изучены аспекты формирования единой системы расселения и установлено, что главной ее задачей является рациональная территориальная организация социальной инфраструктуры страны в целях достижения наивысшей эффективности развития производительных сил и создания относительно равноценных условий труда и жизни населения. Решение данного вопроса ученый видел, во-первых, в расширении сети узловых средоточий социально-экономической активности, то есть опорных центров расселения, а во-вторых, в интенсификации межпоселенных культурно-бытовых, рекреационных и трудовых связей [17].

В. С. Хоревым также были заложены основы концепции «опорного каркаса расселения», которые получили свое продолжение в работах географ-урбаниста Г. М. Лаппо. Ученый рассматривал «опорный каркас» как сочетание главных фокусов (центров) хозяйственной, социальной и культурной жизни страны и соединяющих их социально-экономических линий (магистралей) [18]. «Опорный каркас» играет важную роль в пространственной организации экономики любой страны, так как от территориального размещения узлов и линий в прямой зависимости находится и система расселения [19, с. 20].

На современном этапе развития науки все выше представленные теории не потеряли своей актуальности. Так, концепция центральных мест В. Кристаллера нашла широкое практическое применение, особенно в странах Европы [20; 21]. К примеру, в Эстонии уже в конце 1930-х гг. благодаря трудам одного из основоположников социальной географии Э. Канта данная теория широко использовалась в процессе изучения и реорганизации административно-территориальной системы страны [22]. В Финляндии она также являлась важным инструментом территориального планирования на региональном и национальном уровнях в 1960-х гг. В частности, на ее основе формировалась система обеспечения населения медицинскими и социальными услугами [23].

В работах китайских исследователей понятие центральных мест также достаточно часто встречается при изучении пространственной структуры городских и сельских поселений и формировании многоуровневой системы расселения. При этом одной из актуальных задач современных исследований выступает разработка методологических подходов к определению и оптимизации пространственной структуры поселений, которая учитывала бы как имеющийся у населенных пунктов потенциал поселений, так и пространственное взаимодействие между ними [24; 25].

В настоящее время в российской науке тематика формирования системы ОНП также весьма актуальна. Так, в работе [26] на основе синтеза теории центральных мест, концепции «полюсов роста» и опорного каркаса расселения сформулировано понятие «опорный центр развития территории». Автор трактует данный термин как «населенный пункт, выполняющий обслуживающие функции по отношению к тяготеющей территории, имеющий устойчивую экономическую базу с пропульсивными видами деятельности и включенный в опорный каркас рассматриваемой территории» [26].

В силу того что Россия является огромной по площади страной, особое внимание уделяется проблематике формирования опорной транспортной сети. В частности, в исследовании [27] сформулированы критерии и представлена методика определения существующих и выбора перспективных ОНП транспортной сети на территории Европейского и Приуральского Севера России.

В целом нельзя не отметить, что тематика развития северных регионов России и создания на их территории ОНП достаточно популярна и представлена в работах целого ряда исследователей [28; 29]. При этом особо пристальное внимание уделяется вопросам методологии выбора ОНП [29].

Принимая во внимание то, что в России

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

на государственном уровне четко прослеживается курс на развитие не только агломераций или крупных городов, но и малых городов и сельской периферии, интерес к тематике формирования ОНП возрастает еще больше. После утверждения официальных методических рекомендаций по определению ОНП на первый взгляд может показаться, что поиск критериев и новых способов выделения данных населенных пунктов потерял свою актуальность. Вместе с тем, по нашему мнению, это абсолютно не так, поскольку прежде всего необходимо проанализировать разработанные рекомендации и понять, насколько они эффективны в решении такой важной стратегической задачи, как обеспечение сбалансированного пространственного развития Российской Федерации. Именно это и является ключевым отличием настоящей работы от более ранних исследований по обозначенной тематике. Если в фокусе внимания других авторов главным образом был поиск способов определения ОНП, то ключевой задачей данной статьи выступает оценка практической применимости разработанных и официально утвержденных Правительством РФ методических рекомендаций.

Объектом настоящего исследования выступили регионы ЕСР, к которым относятся республики Карелия и Коми, Архангельская (включая Ненецкий автономный округ), Мурманская и Вологодская области. Данные субъекты РФ входят в состав Северного экономического района⁴.

Общий алгоритм исследования можно представить следующим образом: 1) общая характеристика тенденций пространственного развития регионов ЕСР; 2) анализ Методических рекомендаций по определению опорных населенных пунктов и прилегающих территорий на предмет выявления ключевых признаков ОНП; 3) определение перечня населенных пунктов в субъектах ЕСР, соответствующих официальным критериям по их плотности, удаленности от других поселений, темпам убыли населения; 4) проведение контент-анализа официально утвержденных списков ОНП в рассматриваемых регионах; 5) выявление несоответствий в перечнях, поиск «слабых мест» представленных методических рекомендаций по определению ОНП.

При проведении исследования использовались такие общенаучные методы сбора и обработки информации, как синтез, анализ, комплексный и системный подход, монографический метод, а также ГИС-технологии.

Результаты и обсуждение

Европейский Север России — это район исторически длительного хозяйственного освоения с высокой долей постоянного населения [30, с. 107]. Данные территории занимают 8,6 % площади всей страны, однако здесь проживает лишь чуть более 3 % жителей России и производится примерно такая же доля ВРП страны (табл. 1).

Таблица 1

Основные характеристики регионов ЕСР

Субъект РФ	Площадь территории		ВРП (на 01.01.2021)		Численность населения на 01.01.2022		Плотность населения, чел / кв. км	Уровень урбанизации, %
	тыс. кв. км	доля в РФ, %	млрд руб.	доля в РФ, %	тыс. чел.	доля в РФ, %		
Республика Карелия	180,5	1,1	261,3	0,31	603,1	0,41	3,34	81,5
Республика Коми	416,8	2,4	531,2	0,64	803,5	0,55	1,93	78,5
Архангельская область (включая НАО)	589,9	3,4	710,5	0,86	1114,3	0,77	1,89	78,6
Вологодская область	144,5	0,8	527,3	0,64	1139,5	0,78	7,89	72,9
Мурманская область	144,9	0,8	557,4	0,67	724,5	0,50	5	92,1
Всего регионы ЕСР	1476,6	8,6	2587,7	3,1	4384,9	3,01	2,97	80,7
Российская Федерация	17125,2	100	83003,4	100	145557,5	100	8,5	74,8

Примечание. Источник: составлено автором по данным Росстата.

Плотность населения во всех рассматриваемых субъектах РФ ниже среднероссийских значений (8,5 чел / кв. км): минимальное значение показателя в Архангельской области — 1,89 чел / кв. км,

максимальное в Вологодской области — 7,89 чел / кв. км. Население региона в основном сосредоточено в городах, показатель урбанизации в среднем составляет 80,7 %. При этом территории ЕСР обладают

⁴ Согласно действующему Общероссийскому классификатору экономических регионов (ОК 024-95, утв. Постановлением Госстандарта России от 27 декабря 1995 г. № 640).

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

достаточно устоявшейся городской системой расселения. Однако для региона характерно усиление концентрации жителей в крупных городах, что влечет за собой стягивание в одну точку других факторов производства и, соответственно, снижение интенсивности хозяйственных и социальных внутрирегиональных взаимодействий [31].

В постсоветский период в субъектах Европейского Севера наблюдался массовый миграционный отток населения, который был обусловлен снижением уровня жизни населения на фоне стагнации экономики и деградации социальной сферы [2]. Часть компенсаторных механизмов проживания в суровых природно-климатических условиях, которые раньше стимулировали граждан страны жить и работать на Севере, была отменена. Соответственно, изменилась и структура расселения в рассматриваемых регионах. Так, в Республике Коми и Вологодской области увеличилась доля населения, проживающего в крупных и больших городах, и сократилась доля жителей средних и малых городов, поселков городского типа и сельских населенных пунктов (табл. 2). В Архангельской области уменьшилась доля населения, проживающего на селе, в Республике Карелия — доля жителей небольших городов и ПГТ. Единственным регионом, где в структуре расселения сократилась численность населения крупных городов, является Мурманская область, что обусловлено снижением людности города Мурманска, который за период 1989–2022 гг. потерял почти 40 % жителей.

Формирование сети ОНП призвано снизить темпы сжатия освоенного пространства российских территорий и тем самым повысить устойчивость системы расселения субъектов Российской Федерации. Уже в 2021 г. заместитель председателя Правительства РФ М. Ш. Хуснуллин в своем выступлении на Петербургском экономическом форуме обозначил курс во внутренней политике государства на развитие не только агломераций, но и малых населенных пунктов. При это политик отметил, что в каждом регионе должно появиться от 15 до 30 опорных пунктов, которые будут отличаться более высоким качеством жизни населения⁵.

Исходя из официально утвержденных Методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий всего можно выделить 8 ключевых признаков, по которым населенный пункт может быть отнесен к категории ОНП. На наш взгляд, условно данные критерии можно разделить на три блока (рис. 1).

Отметим, что в документе критерии выделения ОНП изложены в виде списка, и с практической точки зрения, на наш взгляд, им не хватает системности. Представляется целесообразным определить некоторый алгоритм, поскольку на каждом этапе часть населенных пунктов будет отсеиваться, что может значительно упростить процесс выбора ОНП. В целом алгоритм формирования перечня ОНП в каждом регионе может выглядеть следующим образом: 1) выборка населенных пунктов с численностью населения от 3 до 50 тыс. чел.; 2) на основе геоинформационных данных (к примеру, сервиса Яндекс-карты) составление матрицы расстояний по автомобильным дорогам между выбранными населенными пунктами, а также городами с численностью населения свыше 50 тыс. чел.; 3) исключение населенных пунктов, расположенных на расстоянии менее чем 50 тыс. км от населенного пункта с людностью более 50 тыс. чел.; 4) исключение населенных пунктов, входящих в состав городских агломераций, согласно нормативно-правовым документам; 5) оценка динамики численности населения за последние пять лет и выборка поселений с темпами ее снижения, не превышающими 5 %; 6) выбор ОНП по остальным критериям: наличие круглогодичной транспортной связи с административным центром; необходимой социальной, жилищно-бытовой, информационно-коммуникационной инфраструктуры; территорий для перспективной застройки; 7) в случае, если несколько ОНП расположены на расстоянии менее 50 км друг от друга и удовлетворяют данным требованиям, выбор одного ОНП, обладающего наибольшим потенциалом.

Анализ нормативно-правовых документов регионов ЕСР позволяет заключить, что в каждом из них в настоящее время сформированы перечни ОНП и прилегающих к ним территорий (рис. 2). Самое большое количество ОНП в Вологодской области — 24, из которых 10 являются малыми городами, 4 — поселками городского типа, 9 — селами, 1 — поселком. Меньше всего ОНП в Ненецком автономном округе — всего 4 населенных пункта: 2 села и 2 поселка.

В рамках настоящего исследования на материалах регионов ЕСР изучены списки официально утвержденных ОНП, параллельно с этим проведена первичная выборка ОНП по критериям людности и удаленности от других населенных пунктов, затем проведено сравнение полученного эмпирическим путем перечня с официально утвержденными в субъектах РФ. Рассмотрим более подробно полученные результаты.

⁵ Качество жизни в РФ будут повышать с помощью «опорных пунктов» // Сайт «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/business/770567>.

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Таблица 2

Структура расселения регионов Европейского Севера России, %

Субъект РФ	1989 г.			2022 г.			Темп роста 2022 г. / 1989 г.		
	Крупные и большие города	Средние / малые города и ПГТ	Сельские населенные пункты	Крупные и большие города	Средние / малые города и ПГТ	Сельские населенные пункты	Крупные и большие города	Средние / малые города и ПГТ	Сельские населенные пункты
Республика Карелия	34,1	47,5	18,4	46,6	34,9	18,5	12,5	-12,6	0,1
Республика Коми	18,4	57,1	24,5	30,3	48,2	21,5	11,9	-8,9	-3,0
Архангельская область (включая НАО)	42,3	31,1	26,6	46,8	31,7	21,4	4,5	0,7	-5,2
Вологодская область	43,8	21,2	35,0	54,1	18,8	27,1	10,2	-2,4	-7,8
Мурманская область	40,8	51,3	7,9	38,5	53,5	7,9	-2,3	2,2	0,1
Всего регионы ЕСР	36,4	40,2	23,5	44,3	35,4	20,3	7,9	-4,7	-3,2

Примечание. Источник: составлено автором по данным Росстата.

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Демография	Экономико-географическое положение	Инфраструктура
<ul style="list-style-type: none"> • Численность населения ОНП* от 3 до 50 тыс. чел. • Совокупная численность населения населенных пунктов, расположенных на прилегающих территориях, составляет не более 100 % от численности населения ОНП • Численность населения ОНП за 5 лет снизилась не более чем на 5 % 	<ul style="list-style-type: none"> • ОНП не входит в границы городской агломерации** • Наличие территории для перспективного развития и застройки • Расстояние по дорогам общего пользования между населенным пунктом* с численностью населения более 50 тыс. чел. и ОНП превышает 50 км 	<ul style="list-style-type: none"> • ОНП имеет круглогодичную транспортную связь по автомобильным дорогам общего пользования с административным центром соответствующего субъекта РФ • Более 50 % от общей численности населения ОНП* имеют доступ к объектам социальной, транспортной, инженерной, информационно-коммуникационной инфраструктур

* Или ОНП и нескольких населенных пунктов, расположенных в радиусе транспортной доступности не более 5 км по дорогам общего пользования

** Установленные нормативно-правовыми актами субъекта Российской Федерации

Рис. 1. Критерии определения ОНП. Источник: составлено автором по: Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2022 г. № 4132-р «Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий»

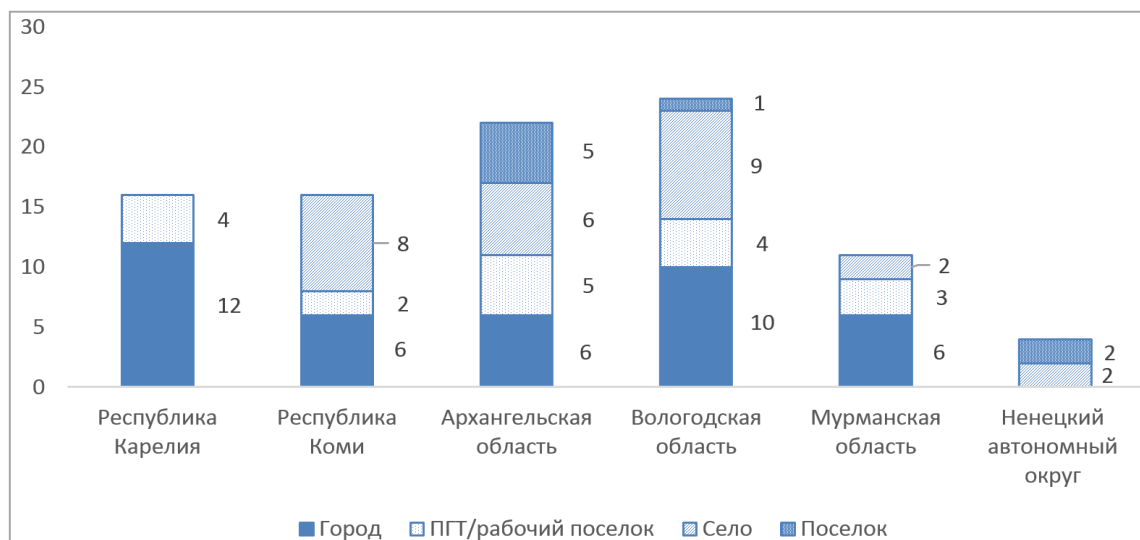

Рис. 2. Количество официально утвержденных ОНП в регионах ЕСР. Источник: составлено автором на основе: Распоряжение Правительства Республики Карелия от 27 февраля 2023 г. № 159р-П; Распоряжение Правительства Республики Коми от 6 февраля 2023 г. № 53-р; Постановление Правительства Архангельской области от 28 февраля 2023 № 173-пп; Постановление Правительства Вологодской области от 27 февраля 2023 г. № 279; Постановление Администрации Ненецкого автономного округа от 16 февраля 2023 г. № 39-п; Постановление Правительства Мурманской области от 10 апреля 2023 г. № 264-пп

В Республике Карелия практически все населенные пункты, официально утвержденные в качестве ОНП, соответствуют формальным требованиям по расстоянию и численности населения. Исключением является лишь поселок городского типа Муезерский, так как, по данным на 2022 г., в нем проживало около 2,6 тыс. жителей. Также города Сортавала и Лахденпохья находятся на расстоянии 42 км друг от друга, однако оба включены в перечень ОНП. При этом поселки городского типа Надвоицы и Пиндуши, а также поселок Шуя тоже соответствуют

формальным требованиям по численности населения, однако они не были включены в официальный список ОНП, вероятно, в силу того, что менее чем в 50 км от них находятся города с большей людностью — Сегежа (23 км), Медвежьегорск (7 км) и Кондопога (39 км) соответственно.

В Республике Коми все 16 официально утвержденных ОНП соответствуют формальным требованиям по людности. Вместе с тем в данный список не попали сравнительно крупные населенные пункты — город Микунь (9,3 тыс. чел.) и поселки

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

городского типа Жешарт (6,9 тыс. чел.) и Нижний Одес (8,9 тыс. чел.). Зато в качестве ОНП утверждено менее населенное село Айкино (3,2 тыс. чел.), расположенное на расстоянии 18 км от Микуни и в 48 км от Жешарта.

В Мурманской области в качестве ОНП выбрано 6 городов, 3 поселка городского типа и 2 села. При этом 3 населенных пункта не соответствуют требованиям по людности: число жителей поселка городского типа Верхнетуломский составляет около 1400 чел., сел Териберка и Ура-Губа — менее 600 чел. Также, по нашим расчетам, требованиям людности и удаленности от других поселений соответствует еще один населенный пункт — поселок городского типа Зеленоборский, который расположен в 56 км от города Кандалакши. Можем предположить, что он не был включен в официальный перечень ОНП в силу того, что за последние пять лет численность населения в нем сильно сократилась — почти на 10 % (с 5573 до 5044 чел.). С другой стороны, в перечень ОНП вошли населенные пункты, расположенные друг от друга на относительно небольшом расстоянии: города Мончегорск и Оленегорск (37 км), а также Полярные Зори и Кандалакша (30 км).

В Архангельской области из 22 ОПН по показателям численности населения требованиям соответствуют все города, поселки и села, однако некоторые населенные пункты расположены на расстоянии менее 50 км от города с людностью свыше 50 тыс. чел. Во-первых, это рабочий поселок Шипицино, который находится лишь в 16,5 км от города Котласа, в котором проживают более 62 тыс. чел., а во-вторых, поселки Боброво и Катунино, расположенные в 41 и 22,5 км от областного центра — города Архангельска.

По людности в регионе еще 5 населенных пунктов соответствуют требованиям. Однако менее чем в 50 км от них расположен город или поселок с численностью населения свыше 3 тыс. чел. Соответственно, органам власти, вероятно, пришлось делать выбор между несколькими населенными пунктами. Так, рабочие поселки Савинский (6,2 тыс. чел.) и Североонежск (4,5 тыс. чел.) не попали в перечень ОНП, поскольку находятся менее чем в 40 км от более крупного поселка Плесецк (9,4 тыс. чел.). Город Корьяжма также не рассматривается в качестве ОНП: он расположен лишь в 35 км от Котласа; поселок Ерцево, соответственно, — в 33 км от рабочего поселка Коноша; рабочий поселок Кулой — в 31 км от города Вельска.

Ненецкий автономный округ отличается от других субъектов ЕСР тем, что на его достаточно большой территории расположен лишь один город — Нарьян-Мар — административный центр региона, в котором проживают 25,8 тыс. чел. Кроме него из всех населенных пунктов округа только поселок Искателей

имеет людность свыше 3 тыс. чел., но он расположен лишь в 8 км от центра региона. В качестве ОНП в регионе выбраны села и поселки с численностью населения намного меньше заявленных требований: села Несь (1368 чел.), Коткино (331 чел.), поселки Хорей-Вер (739 чел.) и Харута (497 чел.).

В Вологодской области самое большое количество утвержденных ОНП, что во многом обусловлено более высокой, чем в других регионах ЕСР, плотностью населения. Согласно официальным данным, в области практически все ОНП являются административными центрами муниципальных районов или округов, которых всего в регионе 26. Город Сокол, который является самым крупным населенным пунктом региона (численность населения 35,7 тыс. чел. в 2022 г.) после городов Вологды и Череповца, не вошел в перечень ОНП, что вполне объяснимо, так как он находится лишь в 37 км от областного центра.

Единственный населенный пункт из перечня ОНП, который не является административным центром, — это поселок Федотово. Он расположен на территории Вологодского муниципального округа, на расстоянии чуть более 50 км от города Вологды, а его численность населения превышает 4 тыс. чел. Следует отметить, что, согласно Схеме территориального планирования Вологодской области, поселок Федотово не входит в состав Вологодской агломерации, и, таким образом, формально он соответствует критериям первичного отбора.

В перечень ОНП включено также село Шуйское Междуреченского района, хотя его людность составляет менее 2 тыс. чел., то есть формальным критериям он не соответствует. Также в Вологодской области в перечень ОНП вошли населенные пункты, которые находятся на расстоянии менее 50 км друг от друга, и, согласно методическим рекомендациям, должен быть выбран один из них. Во-первых, это город Тотьма и село им. Бабушкина, расстояние между которыми по автомобильным дорогам составляет 35 км, а во-вторых, город Белозерск и село Липин Бор (43 км).

Одним из важных критериев отбора ОПН является динамика численности населения за последние пять лет. Согласно требованиям, темпы снижения показателя не должны превышать 5 %. В рамках исследования нами был проведен анализ соответствия утвержденных ОНП данным параметрам.

В целом можно заключить, что во всех рассмотренных регионах данное условие не соблюдается. К примеру, в Мурманской области лишь в 3 из 11 ОНП численность населения снизилась менее чем на 5 %: в городе Мончегорске (-4 %), городе Полярные Зори (-1,5 %) и поселке городского типа Ревда

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

(-2,2 %). Во всех остальных поселениях показатели варьируются от -5 до -14,1 %.

В Республике Карелия также в большинстве ОНП (в 9 из 16) людность снизилась более чем на 5 %. В Республике Коми аналогичная ситуация наблюдается с городами Инта, Печора и поселком городского типа Троицко-Печорск. В Архангельской области как минимум половина ОНП также не соответствует заданным параметрам.

Можно было бы предположить, что такая ситуация обусловлена суровыми климатическими условиями, именно поэтому убыль населения в ОНП данных субъектов РФ столь велика. Однако в Вологодской области, которая расположена южнее и имеет более мягкий климат, также в списке ОНП присутствуют города и поселки, где численность населения в 2018–2022 гг. сократилась более чем на 5 %. В частности, в их число входят города Белозерск (-5,9 %), Устюжна (-5,7 %), Харовск (-6,5 %), поселки городского типа Вохтога (-7,1 %) и Чагода (-5,6 %).

Одним из ключевых критериев утверждения населённого пункта в качестве ОНП является то, что более половины его жителей должны быть обеспечены доступом к объектам социальной, транспортной, инженерной, информационно-коммуникационной инфраструктуры.

Важность соблюдения данного требования сводится к самой сути создания ОНП. Ведь ключевая их роль как раз и заключается в том, чтобы на базе имеющейся в ОНП инфраструктуры население одного или нескольких муниципальных образований было обеспечено в полной мере социально-бытовыми услугами. Детальный анализ по каждому официально утвержденному ОНП на предмет их соответствия требованиям обеспеченности инфраструктурными объектами выходит за рамки настоящего исследования (отчасти из-за крайне скудной статистической информации в разрезе поселений). Вместе с тем даже на первый взгляд вполне очевидно, что далеко не все ОНП удовлетворяют заявленным критериям отбора. К примеру, в Вологодской области в некоторых селах практически отсутствуют системы центрального теплоснабжения и канализации (например, в селах им. Бабушкина, Кичменгский Городок, Верховажье, Никольск и др.). Профессиональные образовательные организации представлены лишь в некоторых относительно крупных городах, а в селах и поселках они фактически отсутствуют.

Также в методических рекомендациях говорится о том, что людность ОНП должна составлять не более 100 % от совокупной численности населения поселений, расположенных на прилегающих территориях. Данный момент является несколько парадоксальным и вызывает определенные вопросы. Не совсем ясно, что делать в ситуации, когда людность ОНП, к примеру,

составляет 4 тыс. чел., а в населенных пунктах, расположенных вокруг него на расстоянии 50 км суммарная численность населения превышает данное значение. Данный критерий, с одной стороны, понятен, ведь если количество жителей прилегающих территорий будет превышать людность ОНП, то вероятно, что инфраструктура самого «опорного» поселения вряд ли справится с нагрузкой. С другой стороны, в методических рекомендациях говорится о том, что в случае, если расстояние между двумя или несколькими ОНП по дорогам общего пользования составляет менее 50 км, то рекомендуется выбрать только один ОНП.

В целом можно заключить, что в методических рекомендациях обозначены требования к выбору ОНП, которые, как показывает практика, не всегда соблюдаются. Вместе с тем в самом документе обозначено, что для территорий с высокой или низкой плотностью населения, определяемой в соответствии с законодательством Российской Федерации, или в случае отсутствия круглогодичной связи между прилегающими территориями и ОНП допустимо отклонение от обозначенных критериев.

Выводы

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. На основе анализа научной литературы обосновано, что формирование и развитие ОНП выступает одним из инструментов обеспечения сбалансированного пространственного развития страны и ее регионов. При этом сама идея создания сети опорных поселений не является новой: как показывает зарубежный и отечественный опыт советской эпохи, ранее данный подход широко использовался на практике.

На наш взгляд, в настоящее время в России однозначно положительным моментом является смещение фокуса внимания с развития преимущественно агломераций и крупных городов на развитие малых форм поселений, обеспечение в них достойного уровня жизни населения. На решение данной стратегически важной для страны задачи и направлены разработанные и официально утвержденные Методические рекомендации по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий.

2. В результате критического анализа данного документа установлено, что одним из его недостатков является отсутствие системности изложения ключевых критериев выделения ОНП, что затрудняет использование методических рекомендаций на практике. В целом можно обозначить 8 ключевых признаков отбора ОНП, при этом каждый из них условно можно отнести

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

к одному из видов: демографические, экономико-географические, инфраструктурные. Также представлен основанный на указанных в методических рекомендациях критериях авторский алгоритм определения ОНП, который позволяет упростить процесс выбора ОНП.

3. Выявлено, что во всех регионах ЕСР уже сформированы перечни ОНП и прилегающих к ним территорий. При этом их количество в каждом субъекте РФ варьируется от 24 единиц в Вологодской области до 4 в Ненецком автономном округе. На основе проведенной автором выборки ОНП по критериям людности и удаленности от других населенных пунктов и последующего сравнения этих данных с официально утвержденными перечнями ОНП установлено, что во всех регионах присутствуют небольшие расхождения.

В частности, в Мурманской области 3 ОНП не соответствуют показателям людности, в Ненецком автономном округе — 4 населенных пункта. В Архангельской, Мурманской, Вологодской областях и Республике Карелия ряд ОНП не соответствует требованиям по расстоянию от более крупных городов или от других ОНП. Также выявлено, что почти в каждом из регионов часть ОНП не подходит по критерию динамики численности населения за последние пять лет, темпы убыли которой не должны превышать 5 %. Серьезную проблему представляет и несоответствие большинства ОНП требованиям наличия необходимой социальной, транспортной, инженерной, информационно-коммуникационной инфраструктуры.

4. Одним из главных барьеров практического использования официально утвержденных методических рекомендаций является то, что они имеют достаточно общий характер. Российская Федерация — это огромная по территории страна, при этом заселена она крайне неравномерно. Вместе с тем исследование показало, что если строго придерживаться хотя бы 3 из 8 критериев отбора, то в каждом регионе число ОНП будет явно недостаточно для решения задач обеспечения сбалансированного пространственного развития страны. На наш взгляд, представляется целесообразной разработка дополнительных критериев определения ОНП с учетом природно-климатических особенностей и социально-экономических тенденций развития субъектов РФ.

Также некоторым упущением методических рекомендаций является отсутствие иерархии ОНП. Предполагается, что все они должны предоставлять одинаковый набор социальных и административных услуг для жителей прилегающих территорий. Вместе

с тем различные товары и услуги с разной периодичностью востребованы у населения. В данном контексте, на наш взгляд, следует рассмотреть вопрос создания ОНП разного уровня. К примеру, базовые ОНП должны будут удовлетворять основные нужды населения (например, здравоохранение, общее образование, наличие предприятий розничной торговли и сферы услуг), а центры более высокого уровня обеспечивать потребности, которые возникают периодически или отличаются узкопрофильностью. В данном случае можно привести опыт Словении, где особое внимание уделяется городам как центрам развития регионов страны. Основой городской системы расселения является полицентрическая сеть, включающая центры международного, национального, регионального и межмуниципального значения [20]. Использование данного подхода позволит создать единую систему ОНП, где каждое поселение предоставляет определенный набор услуг для жителей прилегающих территорий.

Серьезным барьером для практического использования методических рекомендаций выступает и дефицит статистических данных в разрезе населенных пунктов. Информация преимущественно имеется лишь по муниципальным образованиям, соответственно, крайне проблематично оценить уровень обеспеченности населения социальными, жилищно-коммунальными и бытовыми услугами, хотя данные требования являются одним из критериев отбора ОНП. При этом, учитывая происходящие в ходе муниципальной реформы процессы объединения муниципальных образований, можно предположить, что доступной статистической информации о малых городах, селах и поселках в скором времени станет еще меньше.

Одним из направлений решения данной проблемы, на наш взгляд, может стать создание единой системы мониторинга социально-экономических показателей развития ОНП. Одним из таких примеров является опыт Германии, где Федеральным институтом исследований в области строительства, городского развития и пространственного развития (BBSR) проводится мониторинг около 600 показателей, характеризующих условия проживания в стране. На основе этих данных создан интерактивный онлайн-атлас INKAR⁶, который позволяет проводить сравнения показателей не только в городах, но и в сельской местности на предмет обеспеченности необходимой инфраструктурой. В частности, сервис содержит информацию о динамике численности населения, наличии

⁶ INKAR — Indikatoren und Karten zur Raum- und Stadtentwicklung. URL: www.inkar.de.

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

административных учреждений, транспорте и коммуникациях, учреждениях здравоохранения, предприятиях сферы торговли и услуг [32].

В заключение нельзя не отметить, что определение перечня ОНП — это лишь первый шаг на пути к устойчивому и сбалансированному пространственному развитию страны и ее регионов. Стратегически важной задачей становится проведение сильной государственной региональной политики, направленной на улучшение качества экономического пространства через развитие инфраструктуры ОНП. Одним из направлений достижения данной цели могут выступать разработка и реализация государственной программы их развития.

Теоретическая значимость работы состоит

в изучении ОНП как инструмента повышения устойчивости системы расселения и обеспечения сбалансированного пространственного развития страны и ее регионов. Практическая значимость заключается в оценке потенциала применения официально утвержденных методических рекомендаций по определению ОНП. Представленные материалы могут быть использованы органами государственной власти при их доработке и совершенствовании.

Перспективой дальнейших исследований будет поиск направлений и инструментов развития ОНП в целях достижения такой стратегически важной цели, как обеспечение сбалансированного пространственного развития страны и ее регионов.

Список источников

- Север как объект комплексных региональных исследований / под ред. В. Н. Лаженцева. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2005. 512 с.
- Ильин В. А., Кожевников С. А. Пространственная и социокультурная трансформация России: взгляд из региона // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 4. С. 16–29.
- Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Демографическая динамика и трансформация системы расселения на Севере России в координатах переписи населения 2021 года // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 1. С. 64–79. DOI:10.37614/2220-802X.1.2023.79.004.
- Территориальное расселение и структурная трансформация экономики регионов (концептуальные основы анализа и моделирования) / Д. А. Гайнанов, М. М. Низамутдинов, Ю. С. Аитова и др. Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2022. 184 с.
- Ускова Т. В., Патракова С. С. Развитие сельских территорий в условиях пространственного сжатия северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 5. С. 34–52. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.2.
- Лексин В. Н. Дороги, которые мы не выбираем (о правительственной «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года») // Российский экономический журнал. 2019. № 3. С. 3–24. DOI: 10.33983/0130-9757-2019-3-3-24.
- Бухвальд Е. М. Приоритеты стратегии пространственного развития: возможности и ограничители // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7, № 3. С. 4–13. DOI: 10.15688/re.volsu.2019.3.1.
- Кожевников С. А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы трансформации российского пространства // Вопросы территориального развития. 2019. № 3 (48). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28193>. DOI: 10.15838/tdi.2019.3.48.1.
- Маркварт Э., Киселева Н. Н., Соснин Д. П. Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // Власть. 2022. Т. 30, № 2. С. 95–111. DOI: 10.31171/vlast.v30i2.8939.
- Christaller W. Central Places in Soutrhern Germany / translated by C. W. Baskin. Englewood Cliffs, NJ, 1967. 230 p.
- Региональная экономика и пространственное развитие: учеб. для бакалавриата и магистратуры: в 2 т. / под ред. Л. Э. Лимонов. М.: Юрайт, 2016. Т. 1: Региональная экономика. Теория, модели и методы. 397 с.
- Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland : eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmässigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen. Jena: Fischer, 1933. 331 p.
- Losch A. The Economics of Location. New Haven. Yale University Press, 1954. 520 p.
- Perroux F. L'Europe Sans Rivages. Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 1954. 668 p.
- Boudeville J. Les espaces économiques. Paris. Puf, 1970. 126 p.
- Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1910. 212 с.
- Хорев Б. С. Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР). М.: Мысль, 1975. 428 с.
- Лаппо Г. М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Сер. География. № 5. С. 16–28.
- Торгашев Р. Е. Управление урбанизационными процессами в России и за рубежом (1920–2020). Ульяновск: Зебра, 2020. 137 с.

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

20. Simon K. Analysing the System of Settlements in Slovenia: Traditional and Alternative Approach // *Geographica Pannonica*. 2013. Vol. 17, Issue 1. P. 14–25.
21. Platona V., Constantinescu A. Evolution of urban structures in Romania and some EU countries // *Procedia Economics and Finance*. 2015. Vol. 32. P. 139–145.
22. Tammiksaar E., Jauhiainen J. S., Pae T., Ahas R. Edgar Kant, Estonian geography and the reception of Walter Christaller's central place theory, 1933–1960 // *Journal of Historical Geography*. 2018. Vol. 60. P. 77–88. DOI:10.1016/j.jhg.2018.02.001.
23. Humer A., Granqvist K. The gradual city-ness and town-ness of public service locations: Towards spatially sensitive sector policies // *Geoforum*. 2020. Vol. 113. P. 81–91. DOI: 10.1016/j.geoforum.2020.05.008.
24. Ye Q., Li J., Kong X., Zhang S. Identification and Optimization of the Spatial Structure of Urban and Rural Settlements from a Hierarchical Network Perspective // *Land*. 2021. 10. 1177. DOI: 10.3390/land10111177.
25. Shi L., Wurm M., Huang X., Zhong T., Taubenbock H. Measuring the spatial hierarchical urban system in China in reference to the Central Place Theory // *Habitat International*. 2020. 105. 102264. DOI: 10.1016/j.habitatint.2020.102264.
26. Смирнов И. П. Средние города как опорные центры развития территории // *Региональные исследования*. 2015. № 3 (49). С. 116–121.
27. Киселенко А. Н., Фомина И. В., Шевелёва А. А. Проблемы и особенности определения населенных пунктов для опорной транспортной сети Европейского и Приуралья Севера России // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. 2017. № 2. С. 60–67.
28. Гончаров Р. В., Данькин М. А., Замятина Н. Ю., Молодцова В. А. Соборы в пустыне или опорные базы? Типология населенных пунктов Российской Арктики по характеру взаимосвязей с окружающей территорией // *Городские исследования и практики*. 2021. Т. 5, № 1. С. 33–56. DOI: 10.17323/usp51202033-56.
29. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Методика определения опорных поселений российской Арктики // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12, № 5. С. 25–43. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.2.
30. Лукин Ю. Ф., Дрегалю А. А., Залывский Н. П. Северное регионоведение в современной регионологии. Архангельск, 2005. 449 с.
31. Секушина И. А. Оценка сбалансированности городской системы расселения Европейского Севера России // *Регионология*. 2021. Т. 29, № 3 (116). С. 642–665. DOI: 10.15507/2413-1407.116.029.202103.642-665.
32. Friedrich J., Dietrich P., Furkert M. Zentrale Orte in Deutschland. BBSR Analysen Kompakt. 2021. № 11. 19 p. URL: https://www.bbsr.bund.de/BBSR/DE/veroeffentlichungen/analysen-kompakt/2021/ak-11-2021-dl.pdf;jsessionid=EEB1F25693B1884607275ACBCDB3DDAF.live11294?__blob=publicationFile&v=4.

References

1. *Sever kak ob"ekt kompleksnykh regional'nykh issledovaniy* [The North as an object of integrated regional studies]. Syktvykar, KSC UrO RAN, 2005, 512 p. (In Russ.).
2. Ilin V. A., Kozhevnikov S. A. Prostranstvennaya i sotsiokul'turnaya transformatsiya Rossii: vzglyad iz regiona [Spatial and sociocultural transformation of Russia: a view from the region]. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie* [Municipality: economics and management], 2022, no. 4, pp. 16–29. (In Russ.).
3. Fauzer V. V., Smirnov A. V., Fauzer G. N. Demograficheskaya dinamika i transformatsiya sistemy rasseleniya na Severe Rossii v koordinatakh perepisi naseleniya 2021 goda [Demographic trends and transformation of population distribution in the North of Russia: Insights from the 2021 census]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka* [The North and the market: Forming the economic order], 2023, no. 1, pp. 64–79. (In Russ.). DOI: 10.37614/2220-802X.1.2023.79.004
4. Gainanov D. A., Nizamutdinov M. M., Aitova Yu. S., Ahmetzyanova M. I., Migranova L. I., Minyazev A. I., Oreshnikov V. V., Saifullina L. D., Gaifullin A. Yu., Ataeva A. G. *Territorial'noe rasselenie i strukturnaya transformatsiya ekonomiki regionov (kontseptual'nye osnovy analiza i modelirovaniya)* [Population distribution and the structural transformation of the regional economy (conceptual foundations of analysis and modeling)]. Ufa, ISEI UFIC RAN, 2022, 184 p. (In Russ.).
5. Uskova T. V., Patrakova S. S. Razvitie sel'skikh territorii v usloviyakh prostranstvennogo szhatiya severnogo regiona [Rural development in the context of spatial compression of a northern region]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2021, vol. 14, no. 5, pp. 34–52. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.2.
6. Laksin V. N. Dorogi, kotorye my ne vybiraem (o pravitel'svennoi "Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda") [Roads that we do not choose (about the government's "Spatial Development

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

- Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025”)]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2019, no. 3, pp. 3–24. (In Russ.). DOI: 10.33983/0130-9757-2019-3-3-3-24.
7. Bukhvald E. M. Prioritety strategii prostranstvennogo razvitiya: vozmozhnosti i ogranichiteli [Priorities of the spatial development strategy: opportunities and constraints]. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii* [Regional economy. The South of Russia], 2019, vol. 7, no. 3, pp. 4–13. (In Russ.). DOI: 10.15688/re.volsu.2019.3.1.
 8. Kozhevnikov S. A. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii i perspektivy transformatsii rossiiskogo prostranstva [Strategy for Russia's spatial development and prospects for Russian space transformation]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Problems of territory's development], 2019, no. 3 (48). (In Russ.). DOI: 10.15838/tdi.2019.3.48.1.
 9. Markvart E., Kiseleva N. N., Sosnin D. P. Sistema opornykh naselennykh punktov kak mekhanizm upravleniya prostranstvennym razvitiem: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [The system of central (reference) settlements as a management tool: theoretical and practical aspects]. *Vlast'* [Power], 2022, vol. 30, no. 2, pp. 95–111. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v30i2.8939.
 10. Christaller W. *Central Places in Southern Germany*. Englewood Cliffs, NJ, 1967, 230 p.
 11. *Regional'naya ekonomika i prostranstvennoe razvitie: ucheb. dlya bakalavriata i magistratury* [Regional economy and spatial development: A textbook for undergraduate and graduate studies]. Moscow, Yurait, 2016, vol. 1, 397 p. (In Russ.).
 12. Christaller W. *Die zentralen Orte in Süddeutschland : eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmässigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen*. Jena, Fischer, 1933, 331 p.
 13. Losch A. *The Economics of Location*. New Haven. Yale University Press, 1954, 520 p.
 14. Perroux F. *L'Europe Sans Rivages*. Grenoble, Presses universitaires de Grenoble, 1954, 668 p.
 15. Boudeville J. *Les espaces économiques*. Paris. Puf, 1970, 126 p.
 16. Semenov-Tyan-Shanskii V. P. *Gorod i derevnya v Evropeiskoi Rossii* [The city and the village in European Russia]. Saint Petersburg, Kirshbaum Printing House, 1910, 212 p. (In Russ.).
 17. Khorev B. S. *Problemy gorodov (urbanizatsiya i edinaya sistema rasseleniya v SSSR)* [Urban issues (urbanization and the unified settlement system in the USSR)]. Moscow, Mysl', 1975, 428 p. (In Russ.).
 18. Lappo G. M. Kontsepciya opornogo karkasa territorial'noi struktury narodnogo khozyaistva: razvitie, teoreticheskoe i prakticheskoe znachenie [The concept of the supporting framework of the territorial structure of the national economy: development, theoretical and practical significance]. *Izvestiya AN SSSR* [Izvestia of the USSR Academy of Sciences], 1983, Ser. Geografiya, no. 5, pp. 16–28. (In Russ.).
 19. Torgashev R. E. *Upravlenie urbanizatsionnymi protsessami v Rossii i za rubezhom (1920–2020)* [Management of urban processes in Russia and abroad (1920–2020)]. Ul'yanovsk, Zebra, 2020, 137 p. (In Russ.).
 20. Simon K. Analysing the System of Settlements in Slovenia: Traditional and Alternative Approach. *Geographica Pannonica*, 2013, vol. 17, issue 1, pp. 14–25.
 21. Platona V., Constantinescu A. Evolution of urban structures in Romania and some EU countries. *Procedia Economics and Finance*, 2015, vol. 32, pp. 139–145.
 22. Tammiksaar E., Jauhiainen J.S., Pae T., Ahas R. Edgar Kant, Estonian geography and the reception of Walter Christaller's central place theory, 1933-1960. *Journal of Historical Geography*, 2018, vol. 60, pp. 77–88. DOI: 10.1016/j.jhg.2018.02.001.
 23. Humer A., Granqvist K. The gradual city-ness and town-ness of public service locations: Towards spatially sensitive sector policies. *Geoforum*, 2020, vol. 113, pp. 81–91. DOI: 10.1016/j.geoforum.2020.05.008.
 24. Ye Q., Li J., Kong X., Zhang S. Identification and Optimization of the Spatial Structure of Urban and Rural Settlements from a Hierarchical Network Perspective. *Land*, 2021, 10, 1177. DOI: 10.3390/land10111177.
 25. Shi L., Wurm M., Huang X., Zhong T., Taubenbock H. Measuring the spatial hierarchical urban system in China in reference to the Central Place Theory. *Habitat International*, 2020, 105, 102264. DOI: 10.1016/j.habitatint.2020.102264.
 26. Smirnov I. P. Srednie goroda kak opornye tsentry razvitiya territorii [Medium-sized cities as supporting centers of territorial development]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], 2015, no. 3 (49), pp. 116–121. (In Russ.).
 27. Kiselenko A. N., Fomina I. V., Shevelyova A. A. Problemy i osobennosti opredeleniya naselennykh punktov dlya opornoj transportnoi seti Evropeiskogo i Priural'skogo Severa Rossii [Problems and features of determining settlements for the backbone transport network of the European and Ural North of Russia]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate governance and innovative economic development of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2017, no. 2, pp. 60–67. (In Russ.).

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

28. Goncharov R. V., Dan'kin M. A., Zamyatina N. Yu., Molodtsova V. A. Sobory v pustyne ili opornye bazy? Tipologiya naselennykh punktov Rossiiskoi Arktiki po kharakteru vzaimosvyazei s okruzhayushchei territoriei [Cathedrals the Desert or Strongholds? The Typology of the Settlements in the Russian Arctic by Their Interconnections with the Surrounding Territory]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban studies and practices], 2021, vol. 5, no. 1, pp. 33–56. (In Russ.). DOI: 10.17323/usp51202033-56.
29. Fauzer V. V., Smirnov A. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N. Metodika opredeleniya opornykh poselenii rossiiskoi Arktiki [Methodology for defining pivotal settlements in the Russian Arctic]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2019, vol. 12, no. 5, pp. 25–43. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.2.
30. Lukin Yu. F., Dregalo A. A., Zalyvskii N. P. *Severnoe regionovedenie v sovremennoi regionologii* [Northern regional studies in modern regional studies]. Arhangel'sk, 2005, 449 p. (In Russ.).
31. Sekushina I. A. Otsenka sbalansirovannosti gorodskoi sistemy rasseleniya Evropeiskogo Severa Rossii [Assessing the balance of the urban settlement system in the European North of Russia]. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies], 2021, vol. 29, no. 3 (116), pp. 642–665. (In Russ.). DOI: 10.15507/2413-1407.116.029.202103.642-665.
32. Friedrich J., Dietrich P., Furkert M. *Zentrale Orte in Deutschland*. BBSR Analysen Kompakt. 2021. No 11, 19 p. Available at: https://www.bbsr.bund.de/BBSR/DE/veroeffentlichungen/analysen-kompakt/2021/ak-11-2021-dl.pdf;jsessionid=EEB1F25693B1884607275ACBCDB3DDAF.live11294?__blob=publicationFile&v=4.

Об авторе:

И. А. Секушина — канд. экон. наук, научный сотрудник.

About the author:

I. A. Sekushina — PhD (Economics), Researcher.

Статья поступила в редакцию 04 апреля 2023 года.

Статья принята к публикации 24 мая 2023 года.

The article was submitted on April 04, 2023.

Accepted for publication on May 24, 2023.